

Сватоплуке. Как кажется, Н. К. Никольский слишком механически понимает отношения между идеологией и социальными факторами. Сознание славянского единства безусловно не было автоматическим результатом деятельности великоморавских князей IX в. Уже И. В. Ягич обратил внимание на поразительное различие между славянскими тенденциями, которые звучат в Житии Константина, с одной стороны, и в Житии Мефодия — с другой. В Житии Константина акцентируется богословская полемика, в то время как славянские тенденции почти отсутствуют. Существует даже мнение, что одно из упоминаний о славянстве в Житии Константина является позднейшей вставкой. Если вспомнить об известных конфликтах между Сватоплуком и Мефодием, то представляется спорным, что политическая мощь Великой Моравии вообще могла положительно влиять на развитие славянских тенденций. В данном случае мы снова встречаем преувеличение роли феодалов, подобно тому как это преувеличение было очевидно в вопросе об участии Владимира Мономаха в перенесении мощей Бориса и Глеба на Сазаву. Едва ли правильно приписывать князьям значительные заслуги в возникновении и росте славянской идеологии.

Хотя и небезопасно оперировать аналогиями из новейшей истории, я все же хочу напомнить один из эпизодов славянофильского движения. Поэтическая и политическая пропаганда идеи славянской взаимности, которую вел Ян Коллар, основывается не на некоем политическом единстве, а исключительно на культурных факторах. Деятельность Коллара не лишена политических аспектов, но они носят характер программы и призыва, часто скрытого. Мне кажется, что славянская идея в IX—XII вв. развивалась аналогичным путем. Редактор ПВЛ начала XII в. не был сторонником «грекофильской» ориентации, он не подавлял «славянофильскую» тенденцию, которую якобы содержала древняя редакция летописи, более того, он сознательно включал в ПВЛ «славянофильское» «Сказание о преложении книг», рассказывающее о начале славянской образованности в Моравии и болгарском культурном центре.

Корни этого сознания славянской культурной взаимности нужно видеть в труде Кристиана, который в конце X в. писал: «... то, что до сегодняшнего дня совершается многими в областях славян, особенно в Болгарии».⁵⁴

Это во многих отношениях наиболее ценная мысль Кристиана. Исследователи чаще всего ограничивались спорами о достоверности сообщений Кристиана по истории IX в. Свидетельства автора, который писал примерно через 110 лет после смерти Мефодия, только при исключительных обстоятельствах могли бы иметь самостоятельную ценность. Нет никаких оснований видеть в Кристиане такое исключение. Зато труд Кристиана неопцием как непосредственное свидетельство о действительном положении славянского богослужения и славянской культуры в конце X в.

Понимание важности именно этого значения Кристиана намечается иногда в научной литературе. У Пекаржа, например, читаем: «Кристиан все же говорит: „то, что до сегодняшнего дня совершается многими в области славян...“. Для меня это означает: и среди чешских и моравских славян. Ведь мы уже знаем (и привели это как весьма веское доказательство подлинности Кристиана), что Кристиан знает *Sclavi Bohemie*, Моравию он обозначает словами „*regio Sclavorum*“, Пшовский край — „*provincia Sclavorum*“, Стодоры для него — земля языческих славян. Короче говоря, он сознает принадлежность к славянству чехов,

⁵⁴ ... quod usque hodie in partibus Sclavorum a pluribus agitur, maximeque in Bulgariis.